

ИРКУТСКАЯ старина для нашего постоянного автора Валентины Рекуновой давно стала притягательной темой. И всякий раз ее заметки вызывают неподдельный интерес, поскольку дают возможность соприкоснуться с давними событиями, проливающими свет на нравы и обычаи, царившие когда-то в жизни Иркутска. Вот и сегодняшняя публикация – лишнее тому подтверждение.

УТРОМ, просмотрев агентские телеграммы, редактор «Восточной зари» Талалаев прошёл к ответственному секретарю:

– **Надо бы узнать, не собирается ли кто из наших заграничных корреспондентов в Вену – в конце мая там состоится международный жилищный конгресс. Иркутской муниципии полезно будет открыть Европу с этой стороны.**

Талалаев отличался порывистостью, и, увлекаясь, порою не замечал очевидного; вот и сейчас он как будто забыл, что каждый год с наступлением теплых гласных городской думы начинали разъезжаться за границу. И за два – три месяца успевали не только полечиться и отдохнуть, но и ознакомиться с многочисленными новациями в ведении городского хозяйства. Правда, в Иркутске все эти нововведения почему-то не прижились.

по подсчётам местных обозревателей, были теми «сивками-бурками», что тянули городское хозяйство. Остальные же оставались «безгласными гласными», по выражению корреспондента «Восточной зари»: «Молчит такой человек день, месяц, год, два, три, но зато уж когда он заговорит, так просто щепки летят! И не оттого, что вывели из терпения, а оттого лишь, что задела его карман. К примеру, обсуждается трактирный вопрос – и гласный Бочкарёв резко высказывает голос: «Кризис! Застой торговли! Несу убытки! Протестую!» Но вот миновала угроза – и дума не только не слышит, но и не видит этого оратора». Он примыкает к партии данных гласных, голосующих по домашнему телефону. Таких «народных избранников» газетчики окрестили ещё и «почётными визитёрами», а пальму первенства присудили гласному Я.Е.Метелёву, посещавшему

Первая попытка доктора Фёдорова

триюков за рамками городского бюджета, то осведомлённые люди покачивали головами, прибавляя: «Много, много репутаций испортится, когда будут обречены все дела... А пока... пока дума знает лишь то, что благополучит приоткрыть управа»...

«А не желающий слышать и не услышит ведь», – отвечали им. – Одна надежда на новое Общество обывателей и избирателей!»

2 доктора + 1 присяжный поверенный = ?

Идея такого объединения горожан, как и многие другие идеи, была завезена в Иркутск с запада. А прижилась она здесь стараниями двух иркутских докторов (Фёдорова и Ельшевича), а также присяжного поверенного Фатеева. Что до юриста, то он больше тяготел к просветительству и хлопотал о фундаментальной библиотеке, способной и заурядного обывателя превратить в квалифицированного избирателя. А вот планы господ докторов простирались непосредственно до принятия думских решений и предполагали всевозможные механизмы влияния.

Фёдоров много ездил (а значит, сравнивал) и очень хотел подтянуть Иркутск до европейского уровня благоустройства. Ему и общество избирателей представлялось механизмом «борьбы с беспризорностью», а стало быть, «делом не только общественным, но даже и общегосударственным». Фёдоров разработал целую идеологию, и на первом же общем собрании начал проповедовать:

– В выборную кампанию 1909 года в городскую думу совершенно не попали представители иркутских предместий Глазково, Горохово, Знаменское и Рабочая слобода. Этого следовало ожидать, ведь право голоса у нас имеют только налогоплательщики, то есть владельцы недвижимости и коммерческих предприятий. Однако общества обывателей и избирателей дают возможность каждому горожанину влиять на принятие решений. Организованное общественное мнение – это очень большая сила, вот почему я совершенно убеждён, что общества обывателей и избирателей не должны ограничиваться выборными кампаниями, проводимыми раз в четыре года. Жизнь наших городов поражает своей отсталостью, всюду непролазные дебри и непочатый край работы, и работы капитальной. А между тем деятельность городских дум и управ поглощается текущими делами. Члены нашего Общества могут изменить свою жизнь к лучшему, не подменяя господ гласных, но идя рядом с ними и не стесняясь напоминать о себе.

А если без эйфории?

Каждый настоящий доктор имеет свою, завораживающую интонацию – и к концу фёдоровского спича члены Общества уже были в такой эйфории, что в считанные полчаса сформировали девять (!) комиссий. Верно, они пошли бы и дальше, но в зале находились ещё несколько докторов, сохранивших приличествующую рассудительность. Они-то и заметили, между прочим, что

Иркутск конца XIX – начала XX веков: первые фотомастера умели выбирать точку съемки, с которой город был виден как на ладони

такое число комиссий потребует освобождённых, то есть платных работников, а денег у Общества пока нет. Что, может быть, лучше начать с малого, но довести его до конца и развить... В общем, на глазах очарованной публики только что нарисованный прекрасный замок начал рушиться – и публика не стерпела и в едином порыве забаллотировала «критиканов»!

О дальнейших событиях в жизни общества можно было узнать исключительно из газет. «Ни одна из комиссий до сих пор по-настоящему не сформировалась – поступило только два письменных заявления», – сообщила «Сибирь» от 17 февраля 1910 года. «Финансовое положение общества очень не завидно: из 199 рублей членских взносов израсходовано уже более 100. Касса пуста, а приток новых членов почти прекратился, – уточнила «Восточная зоря» и не сдержала эмоции, – да и кому охота быть на корабле, безнадёжно сидящем на мели?» А ещё полгода спустя та же «Восточная зоря» констатировала: «Общество избирателей, в сущности, окончило свою деятельность самоуправством».

– Ничего удивительного, господа, – пожал плечами фельетонист. – Самая идея зародилась в тиши кабинетов – туда же она, в сущности, и вернулась. Пошумели – и разошлись, причём самые активные ушли в думу – как они и рассчитывали. И вся эта затея с Обществом избирателей – просто нелепая декорация, нарисованная, чтобы чуть-чуть прикрыть природную ничуть дикость. А её разве спрячешь, господа? Вот, прочтите последнюю сводку происшествий. На Забайкальской железной дороге (четвёртая от Иркутска верста) ранним утром разобрали рельсы, погрузили на дровни – и благополучнейшим образом затерялись в самом центре Иркутска. Поезд чудом не ушёл под откос, а через день фокус в точности повторился – ещё ближе, на третьей от Иркутска версте. Этика, что ли, «неизвестных злоумышленников» принимать в члены общества избирателей?

– Ну, это Вы хватили уже, как всегда, – отмахнулся ответственный секретарь. – В Томске тоже довольно много разного уголовного элемента, а вот ведь: Общество избирателей там работает совершенно исправно, и не только собственной думой тербит, но уже и к нашей, иркутской, с неприятнейшими вопросами подбегает. Даже и приехать предлагается!

Действительно, в московском поезде уже ехал член томского Общества избирателей. Не даром он взял толстый том, но открыл его так и не удалось: попутчиком активиста оказался Тзон Тзонсон, представитель одной английской фирмы, обосновавшейся в Сибири. Это был суховатый господин средних лет, так и не привыкший к российскому образу жизни. Но при этом веривший в неизбежный подъём городов:

– Группа европейских капиталистов, – рассказывал он, во главе с Парижско-Нидерландским и Лионским банком обратилась в министерство финансов России с

предложением об открытии частного банка муниципального кредита. Располагая крупным капиталом, новый банк предполагает выдачу ссуд городам и земствам для проведения водопровода, канализации, трамвайных линий, улучшения путей сообщения вообще. Это – чрезвычайно выгодное предложение, которым будет просто невозможно не воспользоваться! – заключил коммерсант. Томич с готовностью покинул, хоть, по правде сказать, не испытывал оптимизма. Вероятно, почувствовав это, Тзон Тзонсон добавил что-то в том смысле, что надо же ведь когда-нибудь начинать. И даже привёл пример: в 1896 году состоялся первый съезд мэров французских городов – а теперь они собираются ежегодно, и никто не вспоминает уже о тех скептиках, что говорили: ничего не получится!

В городской управе Иркутска томича прикрепили к опытному служащему. Но он был так занят, что просто оставил гостя наедине с архивными документами.

Среди прочего тот наткнулся и на прелюбопытнейший документ – обязательное постановление общественного управления, воспрещающее курение табаку на улицах, площадях и во всех дворах, начиная с 1 мая по 1 октября. Несколько лет назад, когда проект постановления проходил через думу, гласные разделились на два лагера, и только окончательная баллотировка дала противникам табачного дыма лёгкое преимущество.

Гость аккуратно переписал документ – и вышел на площадь, полюбоваться, как действует это замечательное постановление.

– К своему изумлению у самого входа в управу я встретил дымящего господина, да и за всё время до отхода поезда наблюдал схожие картинки, – рассказывал он после коллегам. – Извозчик, подрадившийся отвезти меня до вокзала на мой вопрос не только сердито выругался, но и взял плату в оба конца.

Валентина Рекунова

Иркутск конца XIX – начала XX веков: конная повозка – не авто, но лихачей хватало и в ту пору

Не шли впрок и подробнейшие рекомендации бургомистра города Ульма – того самого, что обеспечил все семьи рабочих отдельным, здоровым и удобным жильём. Во время отпусков члены местного самоуправления добирались и до города-сада в окрестностях венгерской столицы, а после рассказывали о нём с неподдельным восхищением. Но и это не помешало им открыть свалку на берегу реки Каи, среди реликтовых сосен.

В сущности, каждый в отдельности сознавал, что, если население быстро растёт, то и жизнь изменяется резко. И требует уже алгебраически сложных решений. Но при этом все вместе гласные вели себя так, словно всё было ясно как дважды два. Или просто уходило от всяких решений.

Безгласные гласные

В 1909 году в иркутскую городскую думу входило 60 гласных. Но лишь десять из них,

думские заседания не чаще четырёх раз в году.

Конечно, Иркутск не был исключением, само это явление журналисты именовали общерусским; но всё же упорство, с каким наши гласные игнорировали первейшую из обязанностей, возмущало иркутского губернатора Грана – и он пригласил городского голову Исцеленова «на заседание». Но выяснил только то, что и комиссии собираются крайне редко, и статистика посещений в них вообще не ведётся.

– Но всё, что не сделали гласные, передаётся на усмотрение управы, – «успокоил» его преисходительство г-н Исцеленов.

А собственное усмотрение служащие управы ставили много выше интересов обывателя-избирателя да и элементарного здравого смысла. Даже на должность городского инженера по возведению электростанции они из 82 дипломированных претендентов (в том числе профессоров) выбрали... отставного лейтенанта флота. Что же до финансовых

Сибирь и «Правда»

В ЭТИ майские дни столетний юбилей отменила старейшая российская газета «Правда». Со знаменательным юбилеем коллектив редакции поздравил Президент Российской Федерации. Приветственную телеграмму юбилярам направил председатель ЦИК России Владимир Чуров.

«Правда» родилась в годы подъёма рабочего движения. Толчком к нему стали кровавые события на Ленских золотых приисках. Эхо Ленского расстрела прокатилось по всей России и вызвало мощную волну стачечного движения. «Правда» постоянно знакомила с тем, что происходило на далёкой Лене-реке, а рядом с телеграммами из Бодайбо публиковались и заметки из других мест с иркутскими адресами.

БОДАЙБО. «Ленская трагедия выдвигает перед рабочим классом с особой настойчивостью и, можно сказать, наболевший вопрос о самоорганизации для защиты своих интересов и даже своей жизни. Все буржуазные организации имеют одну определённую цель – наступательную. Отсутствие среди рабочих сплочённости и организованности создаёт условия, при которых возможны Ленские расстрелы. Расстрел рабочих на Лене не произвёл впечатления на правящие классы. И только протест рабочих, широкой волной прокатившийся по России, заставил правительство обещать внести закон о приисковых

рабочих и обещать назначить нечто вроде сенаторской ревизии».

А. Р.

«...Здесь власти и администрация Ленского товарищества продолжают везде и всюду проявлять своё своеволие. День и ночь стражники гарцуют на лошадях около жилых помещений рабочих, наводят панику и страх, но тем не удовлетворяются: почти ежедневно производят обыски, не отдельные, а повальные... Неужели мы не встретим нигде защиты этому бесправию? Просим перепечатать и другие газеты».

Бывший выборный Евгений Острых.
«Правда» №2, 24 апреля (7 мая) 1912 г.

«Жестокость расстрела ничем не объяснима. Стреляли в убегающих, о чём свидетельствуют раны в затылок и спину; стреляли в лежащих, что констатируют раны, пронизывающие тела по вертикальной оси стоящего человека и в наплевательных, близких к этому. По утверждению Ленских врачей, освидетельствовавших трупы и раненых. Лишь 17% ран можно отнести к фронтальным... Стреляли продолжительно, пачками. Расстреливали одну обойму, вставляли другую...».

«Правда» №39, 14 (27) июня 1912 г.

ТУТУРА. С 24 апреля на реке Лене на постройке барж в селе Тутура Верхленского уезда Иркутской губернии бастовали рабочие из-за

низкой заработной платы и нарушения договора с рабочими, выписанными из Иркутска. Как кончилась забастовка, неизвестно.

«Правда» №107, 11 (24) мая 1913 г.

УСТЬ-КУТ. На солевом заводе работает приблизительно 40 человек. Эксплуатация рабочих сильная. Завод работает в год – семь – восемь месяцев. В это время приходится зарабатывать на одежду, отдавать прошлогодние долги, чтобы на следующую зиму опять залезть по шею в долги. Заработная плата очень низка, а все жизненно необходимые продукты рабочим приходится покупать в заводской лавочке по высокой цене. Товар отпускается не особенно высокого качества, но больше брать негде. Хозяин завода наживается и на ржаной муке. Набавил на пуд 40 коп. Так как сейчас в Усть-Куте ржаной муки не имеется, а большинство рабочих – бесхозияственные холостяки.

«Северная правда» №10, 13(26) августа 1913 г.

ЧЕРЕМХОВО. «Тяжела жизнь на Касьяновских копях. Рабочий день продолжается с 6 часов утра до 6 часов вечера. Медицинская помощь поставлена из рук вон плохо. В приёмном покое стоит несколько пухляков йода и касторки, да две банки – одна с бинтом, а другая с ватой. Вот и все медикаменты, которыми лечат нас, рабочих, от всех наших болезней. За дни болезни, конечно, ничего не платят. Увечья у нас бывают очень часто, и хозяину всегда удаётся в таких случаях уладить дело миром с рабочим. Вот, мол, тебе 100 руб. и «иди с богом». Рабочий расписывается, получает и калёкой идёт по миру».

Касьяновский шахтёр.
«Путь правды» №77, 4(17) мая 1914 г.

Иркутяне не только с нетерпением ждали свежий номер «Правды», но старались добрым словом и рабочей копеечкой поддержать свою газету.

«Путь правды» №71, 26 апреля (9 мая) 1914 г. «Через депутата А. Бурляева получена телеграмма из Черемхова Иркутской губернии.

Вполне понимаемая всю неизмеримую ценность рабочей печати для всего дела рабочих, мы горячо приветствуем в славный день появления впервые ежедневной марксистской газеты всю рабочую печать и обещаем ей моральную и материальную поддержку».

117 подписей. Подписи ещё собираются.

«За правду» №48, 30 ноября (13 декабря) 1913 г. Из Жигалово, Иркутской губернии. «Рабочие и ссыльнопоселенцы первого отряда экспедиции по исследованию рек Ленского бас-

сейна приветствуют стойкость нашей рабочей печати в борьбе за существование и желают, чтобы и впредь голос рабочего класса не умолкал, плотнее сплывавшая наши ряды. Прилагаем в фонд «За Правду» 5 руб».

«Путь правды» № 25, 31, 37 и 49 за 1914 г. Из отчётов о пожертвованиях, поступивших в фонд «Правды» из Сибири.

Ст. Забитый от группы рабочих копеек Кузнецова – 3 руб. 40 коп.

Из Иркутска от Лебедева – 1 руб. 33 коп.

Из Черемхова от рабочих мастерских копеек Щелкунова в с. Черемхово – 1 руб.

Из Нижнеудинска через Зайцева – 3 руб. 70 коп.

Из Киренска через Шагова группа политических – 7 руб.

Усть-Кут, от группы усть-кутян – 18 руб. 75 коп.

Черемхово, от правдиста – 1 руб.

От мастерских Щелкунова в Черемхово – 50 коп.

Из Черемхова от рабочих копеек Кузнецова – 4 руб. 65 коп.

«Путь правды» №86, 14(27) мая 1914 г. «Праздник рабочей печати устроили шахтеры копеек Кузнецова и Миллера на ст. Забитый Иркутской губернии. Шахтеры обеих этих копеек объявили в контуре 21 апреля, что они завтра, 22 апреля, работать не будут, так как у них 22 апреля – праздник рабочей печати. Забастовка прошла замечательно и дружно. Полиция вся была на ногах».

Архив листа Борис Краинский

СКВОЗЬ ТОЛЩУ ЛЕТ